

Наталья Волкова

ДОЙДЯ ДО СЕРЕДИНЫ

КНИГА СТИХОВ

XXI

ПОЭЗИЯ ВЕКА

НАТАЛЬЯ ВОЛКОВА

*Дойдя
до середины*

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

*Художник
Луция Конописская*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В 67

В 67 Волкова, Наталья Сергеевна

Дойдя до середины: стихи / Наталья Волкова. — Москва:
Образ, 2020. — 86 с., ил. — (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-6043530-4-2

В книгу Натальи Волковой (Чехия) «Дойдя до середины» вошли избранные стихи, написанные в последние годы. Талантливо работая в традициях русской классической школы, Наталья Волкова умудряется при этом не раствориться в сонме пишущих и сохранить «лица не-общее выраженье». Её поэтические образы ярки и свежи и сразу же врезаются в память.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастная категория: 18+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

Примечания автора. В некоторых произведениях книги сохранена авторская пунктуация.

ISBN 978-5-6043530-4-2

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

© Наталья Волкова: текст, 2020
© Луция Конописская: иллюстрации, 2020
© Эдуара Побужанский: предисловие, 2020
© ОБРАЗ, оформление, 2020

Слово редактора

НОВАЯ КНИГА НАТАЛЬИ ВОЛКОВОЙ открывается эпиграфом из «Божественной комедии» Данте. Эти знаменитые строчки (известные нам больше в хрестоматийном переводе Михаила Лозинского: «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу...») можно считать ключом к пониманию авторской концепции. Книга, как и бессмертная «комедия», состоит из трёх частей.

Первый раздел — самый объёмный. Лирическая героиня находится в середине жизни, в которой было всё: сильные чувства, яркая «чередa мгновений», огромный мир...

В разделе «Не включая света» — стихи без солнца. Душевная боль, беспросветность, разочарование, тупиковая любовь... В общем, кризис среднего возраста.

И наконец третья часть — оптимистическая: принятие себя и мира вокруг, возрождение к жизни через новую любовь и творчество. И вот уже поэзия становится спасительной краской любого пейзажа, она во всём:

*Декабрьский дождь — избыточен, не нужен,
Как свет во тьме, зажжённый для слепого.
Когда вокруг всё в ожиданье стужи,
Он — в ямбы дактилем пробравшееся слово.*

Талантливо работая в традициях русской классической школы, Наталья Волкова умудряется при этом не раство-

риться в сонме пишущих и сохранить «лица необщее выражение». Многие её строки поражают своей свежестью и сразу же врезаются в память. Например, море, играющее мячами голов и щепками рыбацких лодок... Или:

*Когда воды вокруг так много,
Не воду пьют, а пьют вино...*

Отдельных похвал заслуживает венок сонетов. Признаюсь, я настроенно отношусь к жанрам, в которых содержание невольно становится заложником твёрдой формы. В этом мне видится нечто противоестественное, чуждое свободному полёту вдохновения. Однако завершающий книгу «Венок поэтам» оставляет очень хорошее впечатление. Впрочем, кто-то может заметить, что выраженная эклектичность стиля с преобладанием витиеватой архаики может осложнить восприятие текста. Но в подобном смещении стилей и культурных эпох при формальном соблюдении канонов венка сонетов мне тоже видится авторский замысел. Это важнейшая часть смелого литературного эксперимента!

В целом всю книгу «Дойдя до середины» можно считать безусловной творческой удачей. С чем я от души поздравляю и Наталью Волкову, и всех нас!

*Эдуард ПОБУЖАНСКИЙ,
поэт, член Союза писателей России,
главный редактор издательства «Образ»*

Дойдя до середины

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura...

Dante Alighieri

В середине пути нашей жизни
я оказался в тёмном лесу...

Данте Алигьери

Весёлый март

Весёлый март меня нашёл
В проталине, как в колыбели,
Под звон сосулек и капли
Вселил мне в сердце произвол,

Чтоб в жизнь — как в омут с головой,
Чтоб, замерзая, таять снова,
Чтоб каждый день была готова
С любой я встретиться судьбой,

Чтоб не бояться повторять
В стихах мелодию капли
И всё, чего вы лишь хотели,
Рискнуть и сделать. И опять

Весёлый март ко мне пришёл,
И снегопады нипочём,
Согреет солнечным лучом,
Посет в сердце произвол.

Черед
мгновений

* * *

Светофора зелёный свет,
На столбах — зелёные урны,
И в зелёное приодет
Ближней виллы забор чугунный.

Жарит луч сквозь стекло лобовой,
Приоткрыто окно машины,
И над громкою мостовой
Пахнет стёртой зимней резиной.

Косо в небо уходит дым,
А в витринах меняют наряды —
По таким приметам простым
Узнаю весну с полувзгляда.

Фетовское

Сирени сладкое кипенье,
Черёмух кипенное пенье,
И пересвист, и перезвон,
Зелёных веток полосканье,
И полыханье, и блистанье
Мечей лучей со всех сторон.

И лопушиное волнение,
И шевеленье, и томленье
И насекомых, и зверья,
Пыльцы медлительной паденье
И отражение круженья
В глазах, смотрящих на меня...

* * *

Во рту растаял нежно козий сыр
С таким неуловимым словом, вкусом,
И чуть фруктовый аромат вина
Букетом радужным наполнил ноздри,
Что, может быть, из этих мелочей,
Стихов творенья вовсе не достойных,
Любая тайный смысл в себе несёт
И к вечности стоит гораздо ближе,
Чем приторные радости любви,
Чем слишком пряные фанфары славы
И кислый вкус огромного богатства.

В белом царстве готовится нынче потеха,
Всё умыто, причёсано и приодето:
Шубы самого лучшего снежного меха,
Ленты, банты жемчужного, нежного цвета,

В белом царстве готовится бал маскарадный:
Вот медведи и лисы оттенка молочного,
Словно сахар сияют мундиры парадные,
Словно пухом лебяжьим манто оторочены.

Лица бледные, руки и шеи лилейные,
Тонким кипенным кружевом еле прикрытые,
Тройки плавых и стройных коней по аллеям,
Точно пеной, цветением яблонь залитым.

Голова запрокинута, и затекает
Шея: взгляд в белом царстве до одури нежу.
Я и рада бы в рай, да грехи не пускают,
Белизна утомляет — смыкаются вежды.

* * *

Борису Гольдбергу

Будто спрятаны эхом красотки
Всех былых и грядущих веков
В звонком стуке твоих каблуков:
Я тебя узнаю по походке.

В тёплом запахе близкого тела
Есть щемящая нотка одна,
Поднимающая ото дна,
Накаляющая до предела.

И волос твоих тёмные волны
Затопляют меня с головой,
Весь тебе предаюсь я с лихвой,
Поцелуй твой — морем солонь...

Как ломтик арбуза, улыбка
Раздвинула губы сперва,
Но так ненадолго и зыбко...
А после пришли и слова
О том, как ждала этой встречи,
Но их невозможно сказать.
Пролился чернилами вечер,
Так душно, что трудно дышать.
А чай, остывая в пиале,
Пьянил, как когда-то вино,
И мошки, кружась, танцевали
Под каждым горящим окном.
Но гаснут шаги в отдаленье,
Как утром огни фонарей,
А город застыл в умиленье
Над тщетной надеждой моей.

Амели

Амели, Амели, оторвись от земли,
Груз забот не имеет значенья,
Ерунды не мели, не сиди на мели —
Отправляйся искать приключения!

На дыханье одном полетим, поплывём,
По воде побежим над волнами,
То, чего не бывает, — прольётся дождём,
Что случится — останется с нами.

Амели, Амели, снаряжай корабли,
Нарисуй белый след за кормою.
Если старые земли исчезнут вдали,
Для тебя Новый Свет я открою.

Адриатические волны

Красные флаги, серые волны — и,
Будто бы в детстве, в радости полные
Лёгкие я набираю отваги —
Серые волны, красные флаги.

Брызги и пена, солнце в зените и
Беглых валов бесконечная смена.
Волны на пляже — это событие.
Солнце в зените, брызги и пена.

Бока-Которский залив

До краёв переполнившись небом и морем,
Каждой клеткой, сетчаткой впитав синеву,
Я как будто растаяла в этом просторе,
Растворилась и больше уже не живу
В этом теле своём, преходящем и бренном,
А живу в облаках, в виноградной лозе,
Я как будто бы стала частицей вселенной —
Бесконечным и вечным, нигде и везде.

Чёрное море

Лунная дорожка — мятая фольга.
Занесло нас, милый, к чёрту на рога.
Влажный шум прибоя заглушил цикад,
Вместе в чёрном небе бродим наугад.
Влево или вправо — нынче всё равно,
Терпкая отравка — лунное вино.
И меня качает тёплая волна
Вниз и вверх — и снова падает до дна,
И, белея пеной, прямо среди звёзд
Между сном и явью пролагает мост.

Тихоокеанский пейзаж

Дочерна выжженный солнцем песок,
Белая, ярко слепящая высь,
В крупную сетку — прохлады кусок,
Синею солью обглоданный мыс.

Море играет мячами голов,
Лодки рыбацкие щепками — вширь,
Радости первой солёный улов
И горизонта огромный пустырь!

* * *

У моря запах арбузной корки,
А привкус терпкий, почти что горький.
Как горе — море, а не как жалость,
Как эта вечность, что нам досталась.
Медуза плывёт — почти что Горгона.
Воде от неё никакого урона.
У моря глаз нет, только слёзы-потoki,
А мы — каменеем, а мы — одиноки.

На шее капли прозрачных бус.
Попробуй, так ли горьки на вкус?

Париж

Мне снится Париж по ночам:
Он то ли притон, то ли храм
Скорее искусства, чем веры,
И лезут по стенам химеры...

Когда я мечтаю о нём,
Париж мне мерещится днём:
Бульвары, платаны, каштаны,
Танцовщицы и куртизаны...

Но всё же приходит пора —
Иду от Мадлен* к Опера**
И чувствую, пробую, слышу и вижу
Звук, запах и пёстрые краски Парижа.

* Площадь Мадлен (фр. *Place de la Madeleine*).

** Площадь Опера (фр. *Place de l'Opéra*), на которой расположен знаменитый театр Гранд-опера.

Венеция

1

Зимой ты мне являешься всегда
Не кучная и потная, дневная,
А праздная, холодная, пустая,
Твои каналы с тонкой плёнкой льда,
Такой я и теперь тебя узнаю...

Хочу по улочкам твоим бродить
Без масок, без шумихи карнавальной,
Сама с собой,
 в старинном платье бальном,
Не думая кому-то угодить
И не грустя о веке гениальном.

Афиш обрывков рвётся круговерть,
Туберкулёзным кашлем, жгучим ветром
Поднятая. Не китчем в стиле ретро —
По улицам твоим проходит смерть,
За ужин с ядом не прося конверта.

2

Когда воды вокруг так много,
Не воду пьют, а пьют вино.
Она — сиятельно убога:
Грязнуля, муза, недотрога!
И как судьба (не как дорога)
Ведёт от самого порога,
И ей, коварной, всё равно:
До кладбища иль до острога
Вести. Вода ведёт на дно.

Милан

А город этот гордый здесь — зачем?
Зачем возносятся Дуомо шпили,
И каменные зубья небо пилят,
И Богоматерь греется в луче,

И тот же луч пронзает витражи,
И репетируют певцы в Ла Скала,
И манекен с витрины зубы скалит,
Выпячивая моды виражи?

Зачем в кафе я шоколадный торт
Ломаю вилкой, макиато пью,
И, видно, предлагая плоть свою,
Зачем мне улыбается вон тот?

Зачем хочу скорее дать отбой
Миланским фешенебельным прогулкам?
Чтоб по дождливым тесным переулкам
Пройтись недолго за руку с тобой?

Флоренция

Подводный свет, любимый Леонардо:
Флоренция, подёрнутая дымкой,
В которой лишь яснее очертанья
Колонн и крыш, покрытых черепицей,
Увиденных с небесной высоты.

И вечные вдали холмы Тосканы:
Как будто возвратилась я домой...

Пражское

1

В Праге на шпильках ходить невозможно,

Разве что только безумно любя —

Или кого-нибудь, или себя.

Вечно приходится быть осторожной,

Чтобы каблук не застрял меж камней,

Не потерялась набойки подковка.

Сколько страданий, скрываемых ловко,

Будешь зато и видней, и стройней.

В Праге на шпильках ходить нестерпимо,

Разве что каждый примеривать шаг,

Медленно, еле дыша, не спеша,

Или лететь —

на свиданье с любимым.

2

Выкурив трубку, тебе за цветами пойду,
В улочках Старого города, полных тоски,
В дымном аду — на мгновение в рай попаду:
Лишь посмотри, как хрупки и нежны лепестки.

Ты опоздаешь немного, но я подожду.
Бегло улыбкой сверкнёшь и сейчас же нырнёшь
В свет ресторана, где устрицы дремлют на льду,
Всплески вина и над рыбой трепещущий нож...

Выпив немного, беседу с тобой заведу:
Темы порхают над скатертью как мотыльки...
Вечер промчится экспрессом на полном ходу,
Раз лишь помедлив в случайном касанье руки.

После тебя на стоянку такси отведу,
Дверцу захлопну, таксометр начнёт свой отсчёт.
Всё хорошо (если палец себе не прижму на беду),
А телефон эсэмэской спасибо шепнёт.

* * *

Мелодия поёт во мне с утра,
Но мыслей нет, и голова пуста,
Слова сбежали с нотного листа,
И впрямь вернуться в музыку пора?
Так Мандельштама мысль была проста...
И только ла-ла-ла и тра-та-та...
Негромкая мелодия звонка
И скрип дверей, а под ногой — песка,
Собачий лай и детское «ура»,
Воды журчанье и моя тоска
Мелодией звучат во мне с утра...

* * *

Дождь кончился, под фонарём
Все ветки словно в светлячках,
Пока идём — ещё вдвоём —
Я прогоняю этот страх.

Грязь под ногой блестит слюдой,
И в лужах светятся огни,
Пока идём вдвоём с тобой,
Ты дальше этот страх гони.

И если светлый циферблат
Уставился на нас двоих,
Мне морось ночи во сто крат
Приятней всех лучей дневных.

Но если ты под фонарём
Простился и уходишь прочь,
То ночью — ночь
и ночь мне — днём,
Весь мир — углём и мне невмочь.

* * *

Какие славные барашки
Сегодня в небе тёмно-синем,
А зебр упругие тельняшки
Умыты пролетевшим ливнем.

Ступаю по полоскам белым,
Удачу чтобы не спугнуть,
Стрекочут рядом оготело
Цикады, провожая в путь.

Теплом повеет темнота,
Тот не судим, кто не осудит.
Сегодня сбудется мечта,
А завтра? Завтра будь что будет.

Осенняя велопробужка

Медовый запах осенних листьев,
Шуршащих замшево под резиной,
Последняя бабочка лёгкой кистью
Раскрасила пёстро дубы и рябины.

Ещё зеленеет трава у обочин,
И солнце сквозь ветки тепло мне бросает,
И сердце от радости выскочить хочет,
Слетая с горы, жёлтый шлейф поднимая.

* * *

Остановись, мгновенье, чёрт возьми!
На миг — не потому, что ты прекрасно,
А потому, что быстро ты летишь,
Летишь, и я не успеваю
Понять тебя, почувствовать тебя,
И жизнь моя —
Лишь череда мгновений,
Которых не узнать, не уловить,
Проходит, пролетает, улетает
В толпе и скачке градов метеорных,
Горит и гаснет,
Не успев себя поймать...

Ноябрьский день

Солнце, восточный ветер,
Голубизна,
Листья зелёные эти —
Снова весна?
Года витки сжимая —
Вперёд или вспять? —
Только будто до мая
Рукой подать.

Как оно пролетело,
Как пронеслось
Время, не тронув тела,
Цвета волос.
Значит, не бойся, с опаской
Рук не сжимай —
И, как девочка в сказке,
Выйдешь вдруг в май.

* * *

Прага утро новогоднее встречает
Нежным свистом,
 длинной птичьей нотой,
И трамвай ночной, на поворотах
Брызжа искрами, баюкает, качает.

С улиц, вымытых полуночным дождём,
Клейкий запах первых хрупких почек
Отпускать домой меня не хочет.
Что ж, побродим и рассвета подождём.

* * *

Перевернута страница:
Новый век, страна другая,
Только зимний лес мне снится,
И на лыжах я вбегаю
Под засахаренных сосен
Протянувшиеся ветки,
Мимо лиственной, за осень
Оголившейся соседки,
Прокатила. Та сияет —
Вся закутанная белой
Ватой тёплой, пот стекает
Струйкой жаркою по телу.
Дальше — больше.

Вот поляна,
А на ней, как на заставе,
Деревянных истуканов
В белых шлемах кто поставил?

Я бы там стояла тоже,
Будто в снег вросли ботинки,
Но проснулась, и похожей
Не видать вокруг картинки.
Новый век, страна другая,
Перевёрнута страница...
Только ночью я вбегаю
В детство —
 пусть опять приснится...

* * *

Сегодня снег, как тополиный пух,
Ложась, трепещет по краям дорог,
А солнца бледно-жёлтый шар потух:
Наверно, так же как и я, продрог
И в ватном небе скрыться поспешил.
Стеклянный воздух ожигает нос.
Ни краешка простуженной души
Не обогреет каторжный мороз.

Свой пух с небес роняют тополя,
Тщась выстелить дороги добела,
А я, как эта мёрзлая земля,
Жду праздника и нового тепла.

Не включая
света

Читала в два года на стуле «бычка»,
Счастливая: хлопают, говорят — ум-нич-ка,
Сперва рифмовала всё, потому что
Казалось — это зачем-то нужно.
Жила в мире из книжек, удивлялась маме:
Зачем «говорить прозой», если лучше стихами?

Но, дойдя до середины земных путей
(Или, кто знает, может быть, двух третей),
Не очень хочу говорить ни стихами, ни прозой,
Иногда не хочу даже говорить просто,
Не потому, что названо всё другими
(Действие, кажется, нынче важнее, чем имя),
Но устали связки, руки, глаза и уши —
Ни читать, ни писать,
Ни говорить, ни даже слушать,
Какой смысл, раз нас не научили совсем ничему
Ни бычок, ни Данте,
ни Мольер, ни Пушкин,
И мы катим в глухую тьму.

*Ипполиту**

1

Гимны слагаю тебе,
 златоногая мать Афродита,
К страсти моей снизойди,
 пенорождённая ты!
Сына пошли своего,
 чтоб послушной и жаркой стрелою
Сердце холодное он
 вечной любовью пронзил!

* По сюжету древнегреческой трагедии Еврипида «Ипполит» третья жена царя Тесея Федра тайно влюблена в юного пасынка Ипполита. Не в силах совладать с порочной страстью, она кончает жизнь самоубийством, обвинив в предсмертной записке Ипполита, который якобы посягал на её ложе. В ярости царь Тесей отправляет любимого сына в изгнание.

2

Вижу тебя и руки
Прячу —
 дрожат.
Брови, гнутые в луки,
Ранят
 острей ножа.

Светлые карие искры —
Взгляд отвожу
 и даже
Успеваю
 НЕ
 высказать
С губ летящее:
 «Кража».

Смуглое, в белом вороте, —
Впиться вампирскою хваткою,
Но застываю, как воры те,
Что пробрались украдкою
В дом —
 да спугнул хозяин.
Спрятались —
 и не звука,
Даже дохнуть нельзя им:
Схватят —
 отрубят
 руку.
Преступленьё
 страшной наказанья,
Чем запретней —
 губительней сласть
Губ — плода со древа познания.
Прячу руки —
 чтоб не украсть.

3

Щеки губами осторожно
Коснуться, взгляд направив мимо.
Рукам себя не выдать дрожью
(Невольной чувства пантомимой),
Глазам — печали лёгкой тенью.

Влечёт к тебе не удержиимо,
Сильней земного тяготенья,
Как Палестина — пилигрима.
Так манит наркомана доза,
Магнит притягивает скрепку;
В сетях глубокого наркоза
Рассудок засыпает крепко.

Падение плода со древа —
Метафора грехопаденья.
С пажом сбежавши, королева
Короны больше не наденет...

Тот трепет, что тобой разбужен,
В щемящих ямбах усыплю —
И будет больше паж не нужен.
Дорогу дайте королю!*

4

Как святой Франциск свою Нищету
(А потом танцевал под отцовским домом);
Как Мария, ещё подстелив соломы
Нежно в ясли, но осознав тщету
Изменить судьбу; как те двое в Вероне,
Вместе мир покинувшие в тёмном склепе,
Как все те, что раз — навсегда — ослепли,
Но другой не ведали страсти кроме,

* А впрочем, что мне до короны,
Другая мучает напасть:
Боюсь сильней потери трона —
Захочешь ли со мной ты пасть?

И как Федра, жизни и честь губя,
Как насильем — сильные и молитвой —
Кто слабее, как мать солдата пред битвой,
Так и я (только больше!), так я — тебя!

5

О Федра, ты моя сестра!
Сквозь толщу лет — росток сквозь плиты —
Ты только знаешь, как остра
Та страсть, которою прибиты,
Приколоты навеки мы.
Булавка, бабочка... доколе?
Ни от тюрьмы, ни от сумы
Не зарекаюсь, ни от роли.
Но что за рок нас так обрѣк
Упасть в запретные объѣтъя
Мечты и заплатитъ оброк:
Прослыть в веках, пожать проклятье.

Уходящие

1

На землю падали всю ночь со стуком ветки,
На солнце после скупко капал дождь,
А тучи, в спину подгоняемые ветром,
Бросали листья в ледяную дрожь.
Сочувствием прямым природной непогоды
Душа наполнилась по самый край,
И светлые кресты слетелись на погосты.
Прощай.

2

Болит угод, и тяжело дышать,
Но острота внезапной боли минет,
Когда вверху возникнет света шар:
Его никто вовеки не отнимет.

И черноту укроет снегом белым.
К душе любимой вольная душа
Вернётся, не к покинутому телу:
И светится внутри хрустальный шар.

3

Смерть гуляет кругом,
И всё уже круги,
Но минуй этот дом —
Защити, помоги!

Может, лучше в раю,
Чем земли посреди?
Боже, чашу сию
Пронеси, пощади!

Свечек ярки огни,
И молюсь, Боже мой,
Милых мне сохрани
На земле — здесь — со мной!

4

Раз вам дано неназванною силой
Дать имя существу, как дал Адам в раю,
И чувствовать, что страшно, что красиво,
А боль чужую — больше, чем свою,
Однажды наступают дни такие,
Что жизнь не стоит медного гроша.

Всего трудней поэту жить в России.
Здесь боли больше, чем вместит душа.

Опять ночной оборванный покой,
Разбитый ритм.
Кто умерли зимой, пришли со мной
Поговорить.
В ушах, хотя всё глуше, но звучат
Их голоса,
И затянулся полуночный чат
На полчаса,
На час, на два, на три, скорей смотри
И отвечай,
Все те, кто умерли, ко мне пришли,
Как в пять на чай;
Молчит и спит, кто сыт, кто жив-здоров,
А ты шепчи.
Мне голос свой от этих голосов
Не отличить...

* * *

Лишь только свету стоило включиться,
Как сразу начался вокруг бедлам —
И побежали прятаться мокрицы
И тараканы в страхе по углам.

А сверху, мерзких тварей примечая,
Уже сапог карающий грохочет...
А мы живём и света не включаем,
И всяка тварь бесчинствует как хочет...

* * *

Тени ажурные на тротуаре,
Ветки купаются в низком тумане,
А фонари в апельсинном угаре
Путь освещают гуляющей пьяни.

Светятся окна всё реже и глуше,
Тают шаги, пропадая без эха,
В городе только заблудшие души:
Свет фонарей им плохая утеха.

Солнце
в моём окне

Времена года

Минутой каждой чувствовать тепло
И каждой клеткой — ароматы лета,
А осенью печальной не назло,
А в честь — слагать счастливые куплеты.

Зимой в снегах не пропустить искры
Единственной и в небе серо-ватном
Искать — посланий, находить — дары
И, получая, отдавать обратно.

Всё возвращать — сторицей и с лихвой,
Обратно бесконечно принимая
Лучами, инеем, грозой, травой,
Гудком машины и звонком трамвая.

* * *

С одним проститься, а другого — выгнать,
Кого-то проводить в далёкий путь.
Уловки, недосказанности, игры
Мне надоели. Время отдохнуть,
Пить чай на кухне из непарной чашки
И мыслями не нарушать покой,
А ночью мятный шёлк ночной рубашки
Своею только мять рукой.

* * *

Светит солнце в моё окно,
Заблудилось в моём окне,
Ослепляет, как луч в кино,
Если вдруг повернусь к стене.

Опьяняет меня оно,
Как счастливые искры в вине,
И поэтому мне смешно
Или просто весело мне,
Оттого, что моё окно —
Это тоже твоё окно.

На постели, но не во сне,
Щурясь, я лежу на спине,
Светом сердце моё полно —
Так, как солнцем наше окно.

* * *

Никогда никому
Ни рабой, ни слугой.
Но не жизнь одному —
Я иду за тобой.

И не воин — один,
Даже если как сталь.
Не король-господин,
Просто ты — мне под стать.

Ты мне в страсть,
ты мне в масть,
Вместе — в строй.
Сам коль жив —
Ни упасть, ни пропасть
Ты не дашь, подхватив.

Хоть на труд, хоть на бал,
Хоть на отдых, хоть в бой,
Будь ты пан иль пропал —
Я пойду за тобой!

На Пасху

Пусть холодна ещё эта весна,
Праздничен лес в ожидании чуда:
Ласковы мхи, молчалива сосна,
Светом медовым кустарник окутан.

Весть колокольная в гомоне птиц
Перелетает под сводами леса,
Что отворится чудесно гробница,
Солнце срывает тумана завесу.

Здесь покидает меня суета,
Мир растворяется, будто и не был,
Облачко пара плывёт ото рта,
Словно душа улетает на небо.

Венок поэтам

1

Здесь памятник воздвигнут рукотворный!
Пусть тебе с талантом повезло,
Поэт освоить должен ремесло,
Чтоб не скакать на поводке задорно

У стёртых рифм и образов. Бесспорно,
Поэта речь ведёт, но всё же зло —
Глас свыше отпущения козлом
Назначить. Лучше сразу сделать сторно

Затасканным сравнениям и словам,
Которые хоть манят как магнит,
Но смысл не держат. И трещат по швам

Все строфы, «голос свыше» вдруг скрипит,
И погребёнными стихи предстанут вам
Под тёмной сенью фолиантов плит.

Под тёмной сенью фолиантов плит
Несбывшихся надежд лежит немало.
Карета тыквой станет после бала:
Фантазий неудавшийся кульбит.

А в гроб стихов послушный гвоздь забит
Пошлятиной, лоснящейся как сало.
Был мальчик? Был. Но вот его не стало.
Сражён рукой безжалостной. Убит.

И только где-то в глубине гробницы,
Как фараоны в чреве пирамид,
Сверкающий и яркий хвост жар-птицы,

Хоть скрыт от глаз как фрейдовское Ид,
Родник кастальский трепетный таится,
По-прежнему живящий ключ кипит.

3

По-прежнему живящий ключ кипит —
Поэзии родник неиссушимый.
Антаблемент катрена нерушимо
Стоит с поддержкой рифм-кариатид.

Поэт — он словно зодчий: тот творит,
Но зданию стоять необходимо,
Не падая на проходящих мимо,
А сохраняя первозданный вид.

Он следует законам, выбрав стиль,
Хоть не спешит идти дорогой торной,
А вызывать восторг у простофиль

Умеют и уродцы или порно.
Но восстаёт победно башни шпиль
И рвётся ввысь из тьмы забвенья чёрной.

И рвётся ввысь из тьмы забвенья чёрной
Приём иль форма, что уже давно
Исчерпанной казалась и на дно
Упала камнем. Тут её упорно

Не замечали. Или же зазорной
Считали даже. В наши дни смешно
Такое «юдо». Вроде как в кино
Морское чудище иль карла горный.

Но то, что было год назад старо,
Сегодня — ново, завтра станет нормой.
Вот так Творец Адама взял ребро —

И новый смысл возник в похожих формах!
И движется поэтово перо
Здесь зову музы, страсти ли покорно.

Здесь зову музыки, страсти ли покорно,
 И в наше время — более, чем встарь,
 Всё, что накоплено, как на алтарь,
 Ещё точней — как гемблер в дом игорный, —

И золота ларец, и ящик сорный —
 Тащит творец. Живи один: ты — царь!*

Но пробуй всё на зуб, руками шарь,
 Свой долгий поиск не сочтя зазорным.

Любви толпы ты не ищи. Не вправе
 Певец у вкуса черни брать кредит.
 Пусть домна твоего уменя плавит

Руду, тобой добытую. Творит,
 Не думая о почестях и славе
 И невзирая на века, пиит.

*Иль золотарь?

И, невзирая на века, пиит
Найдёт давно забытое другими,
В историю своё он впишет имя
В момент, когда искусно оживит

Далёкое, что твой палеолит,
И легендарное, как в древнем Риме
Вскормившее двух братьев волчье вымя,
Что помнит лишь историк-эрудит.

Но чтобы воскресенью воплотиться,
Чтоб кровью заструился гематит,
Чтоб из костей окаменелых — птица

Вспорхнула — и, гляди, уже летит! —
Поэт, согбен над полотном страницы,
Над вышивкой изящною корпит.

7

Над вышивкой изящною корпит
Любимец муз. Он может и помешкать.
Служенье дамам сим не терпит спешки.
Чтоб не дрожать от плача аонид,

Единую строфу он всё твердит,
Мозольный от брожения. С усмешкой
Порой он слово жертвует как пешку.
Залог успеха — взвешенный гамбит.

Но если мастер чувством вдохновлён:
Любовью, гневом, болью непритворной —
И с Пафосом сочтётся Парфенон

В порыве вдохновенья стихотворном,
То начинает петься. И вот он
Нанизывает бисер рифм проворно.

Нанизывает бисер рифм проворно
Умелец. Смыслом накрепко связать
Он должен, чтобы не прокрался тать,
Велящий лишь играть им. Нет, dal forno,

Расплавленный и вынутый из горна:
Не перед свиньями его метать,
Не судьями, что молвят: «Исполать!»
Узор, сложившись, должен стать бесспорным.

Конечно, он начнёт издалека,
Но станет горячей от приближенья,
И скоро раскалённая строка

Предстанет горней правды отраженьем,
И, может, вовсе не его рука
Орудует иглой воображенья?

9

Орудует иглой воображенья
Десница свыше. Осторожен будь —
Отринь всё лишнее, возьми лишь суть.
Пройдя пространства долгие сажени

И через атмосферу разряженья
Проделав бесконечно долгий путь,
Смешалось всё. Поэт, не обессудь,
Твой долг — избавить стих от искажений.

Но времени была не лишней трата,
Коль скоро свой ты выучил урок
И с мудростью пещерною Сократа

Ты к свету повернулся как пророк.
Узлы распутаны. И, как котята,
Клубком шелков слова лежат у ног.

Клубком шелков слова лежат у ног.
Из них для глаз волшебную повязку
Соткать ты можешь — радужную сказку,
Ковёр, чтоб для гостей устлать порог.

Завесу яркую — прикрыть порок,
Для гения — венок, для лести — маску,
Для бабочки — чудесную раскраску...
Или, порвав, потом скатать в комок.

От власти закружится голова,
Но песнь сирен предшествует крушенью.
Будь сам к себе всего честней сперва,

Не поддавайся лести искушеньям:
Готовы мысли, образы, слова —
И ожидают точности движений.

11

И ожидают точности движений,
Застывши, люди, звери, целый мир.
Не как самонадеянный сатир —
Взамен стяжанья славы лишь стяженья.

Шкур заслуживший, схемы обнаженья
Вульгарности, что чужда звуку лир,
Гармонии и свету, чьих кумир
Дельфийский избран верным отраженьем,

Но, как возделыватель щедрой нивы,
Он в почву содержанья сеет слог
И всходов ждёт богатых терпеливо,

Плодами полон Амалфеи рог —
Для всех открыт. В труде же кропотливом
Помощников не ждёт он. Кто б помог?

Помощников не ждёт он. Кто б помог?
В работе губ, бормочущих без звука,
В работе напряжённой глаз и слуха,
В неутомимости ходящих ног?

Кто б мог помочь услышать тот звонок,
Какая нам определит наука,
Когда мелодия сменяет скуку
И мысль поэта ловит в свой силок?

Здесь каждый начинает свой обряд
Сиденья ли, броженья и круженья,
Но, вдруг в единство звуки претворя

И чудное свершив преображенье,
Он хлеб с вином несёт из царских врат:
Сложение стихов — сродни служенью.

Сложение стихов сродни служенью,
Надежде, вере, Богу — без расчёта,
Без лести. Долг — высокий и почётный, —
Но долг. Так возвращай без возражений!

Внутри, в себе, в груди и в горле жоженье
Ты гасишь первой строчкой безотчётно,
А дальше наступает миг отсчёта —
Пора расплаты... за стихосложение?

И по счетам, не гамбургским, а высшим,
Как может каждый платит свой оброк.
И в чёткости катренов и трёхстиший,

И в гуле рифм, и в ясной мере строк
Иных миров мы здесь законы слышим:
А ты из твёрдых форм плетёшь венки.

А ты из твёрдых форм плетёшь венки.
Творец миров, созвучий и сюжетов:
Венок лавровый — для других поэтов,
А для себя — терновый. Видит Бог,

Молиться по-другому ты не мог,
Чтобы достигнуть благодати и света,
А соблюденья данного обета
Поэзия — единственный залог.

Объятая правда с ложью расплетут,
Что мнится вечным — часто иллюзорно,
Не перейдёт заветную черту.

Чтоб ни одной минуте чудотворной
Не сгинуть и не кануть в темноту —
Здесь памятник воздвигнут рукотворный.

Маштра́л

Здесь памятник воздвигнут рукотворный:
Под тёмной сенью фолиантов плит
По-прежнему живящий ключ кипит
И рвётся ввысь из тьмы забвенья чёрной.

Здесь зову музы, страсти ли покорно
И невзирая на века, пиит
Над вышивкой изящною корпит:
Нанизывает бисер рифм проворно.

Орудует иглой воображенья,
Клубком шелков слова лежат у ног
И ожидают точности движений.

Помощников не ждёт он. Кто б помог?
Сложение стихов — сродни служенью:
А ты из твёрдых форм плетёшь венки.

Содержание

Слово редактора	5
Весёлый март	9

Череда мгновений

«Светофора зелёный свет...»	13
Фетовское	14
«Во рту растаял нежно козий сыр...»	15
«В белом царстве готовится нынче потеха...»	16
«Будто спрятаны эхом красотки...»	17
«Как ломтик арбуза, улыбка...»	18
Амели	19
Адриатические волны	20
Бока-Которский залив	21
Чёрное море	22
Тихоокеанский пейзаж	23
«У моря запах арбузной корки...»	24
Париж	25

Венеция	
1. «Зимой ты мне являешься всегда...»	26
2. «Когда воды вокруг так много...»	27
Милан	28
Флоренция	29
Пражское	
1. «В Праге на шпильках ходить невозможно...»	30
2. «Выкурив трубку, тебе за цветами пойду...»	31
«Мелодия поёт во мне с утра...»	32
«Дождь кончился, под фонарём...»	33
«Какие славные барашки...»	34
Осенняя велопрогулка	35
«Остановись, мгновенье, чёрт возьми!»	36
Ноябрьский день	37
Декабрьский дождь	38
«Прага утро новогоднее встречает...»	39
«Перевернута страница...»	40
«Сегодня снег, как тополиный пух...»	42

Не включая света

«Читала в два года на стуле „бычка“...»	45
Ипполиту	46

Уходящие

1. «На землю падали всю ночь со стуком ветки...» . . .	52
2. «Болит ухо, и тяжело дышать...»	53
3. «Смерть гуляет кругом...»	54
4. «Раз вам дано неназванною силой...»	55
5. «Опять ночной оборванный покой...»	56
«Лишь только свету стоило включиться...»	57
«Тени ажурные на тротуаре...»	58

Солнце в моём окне

Времена года	61
«С одним проститься, а другого — выгнать...»	62
«Светит солнце в моё окно...»	63
«Никогда никому...»	64
На Пасху	65
Венок поэтам	67

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА»

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ВОЛКОВА

Дойдя до середины

Редактор

Эдуард Побужанский

Художник

Люция Конописская

Дизайн и вёрстка

Дмитрий Климович

Корректор

Ольга Форофонова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Заказ № 1518. Подписано в печать 28.03.2020.

Формат 130 x 165 мм. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

IZDAT.SU

НАТАЛЬЯ ВОЛКОВА родилась в г. Свердловске (Екатеринбурге), с 1993 года живёт в Праге (Чехия). Окончила философский факультет Карлова университета. Доктор филологии. Преподаёт славянские языки и русскую литературу. Пишет стихи, занимается художественным переводом. Член союзов русскоязычных писателей Чехии и Болгарии и синдиката журналистов Чешской Республики. Автор четырёх поэтических сборников.

В новую книгу «Дойдя до середины» вошла лирика последних лет.